

**ТУРЦИЯ И РОССИЯ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ
И ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ:
ДИАЛЕКТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА И КОНКУРЕНЦИИ
ДЕРЖАВ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

ИРХИН Александр Анатольевич

доктор политических наук, профессор кафедры
политических наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

E-mail: alex.irhin@mail.ru

SPIN-код: 7399-0942

ORCID: 0000-0001-7895-550X

МОСКАЛЕНКО Ольга Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
«Теория и практика перевода и зарубежная филология»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

E-mail: kerulen@bk.ru

SPIN-код: 2703-2615

ORCID: 0000-0002-4162-3162

ДЕМЕШКО Наталья Эдуардовна

кандидат политических наук, доцент кафедры
«Социально-философские и политические науки»
Института общественных наук и международных отношений
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

E-mail: natalidem93@mail.ru

SPIN-код: 5312-9118

ORCID: 0000-0002-9620-2410

Для цитирования: Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. Турция и Россия в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье: диалектика сотрудничества и конкуренции держав в меняющемся мире // Ближний и Постсоветский Восток. – 2025. – № 1 (9). – С. 30–49. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.04.

Аннотация. Российско-турецкие отношения в формирующейся системе международных отношений выходят далеко за рамки двустороннего взаимодействия.

ствия и являются отражением сложной и многоуровневой подсистемы международных отношений с внешними и внутренними переменными. В Черноморском или расширенном Черноморском регионе (включая Армению и Азербайджан) и регионе Восточного Средиземноморья Россия и Турция являются соперниками и партнерами (но не союзниками) по всему ряду вопросов регионального и глобального взаимодействия. Ситуация с Астанинским форматом и генезисом сирийского конфликта свидетельствует именно об этом. Цель публикации – исследование современных тенденций двусторонних отношений России и Турции и геостратегии двух держав в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья.

Авторы приходят к заключению, что Турция интегрирована в западную систему сдерживания России в Черноморском регионе, в то же время обладает здесь существенной внешнеполитической автономией от своих западных союзников, что авторы помещают в геостратегическую логику «турецкого баланса». Она предполагает существенную сферу партнерских отношений с РФ, но не отменяет двойственность и наличие пространства турецко-российской конфронтации в расширенном Черноморском регионе, которая через него проецируется на постсоветскую Среднюю Азию. В регионе Восточного Средиземноморья западные союзники Турции создали условия для сдерживания уже Анкары в логике двойного сдерживания соперников и союзников. Поэтому перенесение логики «турецкого баланса», предполагающей противопоставление Анкарой внешнеполитической активности России Западу, а западной экспансии – мощи России, на Восточное Средиземноморье с Чёрного моря является функциональным для Турции. Смещение сложившегося равновесия между двумя державами в последние десятилетия чревато их втягиванием в прямой военный конфликт.

Ключевые слова: Турция, Россия, Черноморский регион, Восточное Средиземноморье, сотрудничество, конфликт, «турецкий баланс».

Turkey and Russia in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean: Dialectics of Cooperation and Competition of Powers in a Changing World

Aleksandr A. IRKHIN

DSc in Political Science, Professor of Political Science
and International Relations Department, Crimea Federal University

E-mail: alex.irhin@mail.ru

SPIN-code: 7399-0942

ORCID: 0000-0001-7895-550X

Olga A. MOSKALENKO

PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory
and Practice of Translation and Foreign Philology, Sevastopol State University

E-mail: kerulen@bk.ru

SPIN-code: 2703-2615

ORCID: 0000-0002-4162-3162

Natalia E. DEMESHKO

PhD in Political Science, Associate Professor, Department of Social and Political Science and Philosophy, Sevastopol State University

E-mail: natalidem93@mail.ru

SPIN-code: 5312-9118

ORCID: 0000-0002-9620-2410

For citation: Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. (2025). Turkey and Russia in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean: Dialectics of Cooperation and Competition of Powers in a Changing World. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (9), pp. 30–49. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2025.01.04.

Abstract. In the emerging system of international relations, Russian-Turkish relations go far beyond bilateral interaction and reflect a complex and multi-layer subsystem of international relations with external and internal variables. In the Black Sea region or extended Black Sea region (including Armenia and Azerbaijan) and the Eastern Mediterranean region, Russia and Turkey are rivals and partners (but not allies) on a whole range of issues of regional and global interaction. The situation with the Astana format and the genesis of the Syrian conflict has testified to this. The purpose of the research is to study the current trends in bilateral relations between Russia and Turkey and the geostrategy of the two powers in the Black Sea region and the Eastern Mediterranean region.

The authors come to the conclusion that Turkey is integrated into the Western system of containing Russia in the Black Sea region, while at the same time it has significant foreign policy autonomy from its Western allies, which the authors place within the geostrategic logic of the “Turkish balance”. This implies a significant sphere of partnership with the Russian Federation, but does not negate the duality and existence of Turkish-Russian confrontation in the wider Black Sea region, which is projected through it to post-Soviet Central Asia. In the Eastern Mediterranean region, Turkey’s Western allies have created conditions for containing Ankara in the logic of double containment of rivals and allies. Therefore, the transfer of the logic of the “Turkish balance” (which assumes Ankara’s opposition of Russia’s foreign policy activity to the West and opposition of Western expansion to Russia’s power) to the Eastern Mediterranean from the Black Sea is functional for Turkey. The shift in the established balance between the two powers in recent decades is fraught with their being drawn into a direct military conflict.

Keywords: Turkey, Türkiye, Russia, Black Sea region, Eastern Mediterranean, cooperation conflict, Turkish balance.

Современные двусторонние российско-турецкие отношения – это сложный комплекс политico-экономических противоречий и сотрудничества, который имеет узкий, но более чем значимый аспект в форме черноморского пространства совместных интересов и баланса двух держав в чрезвычайно важном с точки зрения национальной безопасности регионе и для Москвы, и для Анкары. Баланс сложился после подписания Конвенции Монтрё в 1936 г., пережившей две мировых войны – Вторую мировую и холодную войну. Это равновесие также выходит за пределы Черномор-

ского региона и может быть, с одной стороны, охарактеризовано как пространство геополитических противоречий, которое уравновешивается более масштабными вызовами со стороны более мощных нечерноморских держав и их союзников – с другой; и довольно активными экономическими отношениями, развитие которых несколько компенсирует первый фактор двустороннего, в основе своей конкурентного взаимодействия. Восточное Средиземноморье является критическим регионом прежде всего для Турции, однако для России он также важен с точки зрения выхода к южным морям и океаническому пространству.

Зеркалом российско-турецкого взаимодействия является стремление Турецкой Республики войти в БРИКС, не ставя под сомнение свое членство в евро-атлантических структурах: стать частью коллективного Незапада, оставаясь в авангарде коллективного Запада.

Цель публикации заключается в исследовании современных тенденций двусторонних отношений России и Турции и геостратегии двух держав в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья.

Методология исследования основана на применении геополитического и цивилизационного подходов. Авторы также вводят в качестве методологических подходов, раскрывающих суть внешнеполитической логики двух держав, понятия «турецкий баланс» и «имперский детерминизм», иначе – «имперская предопределенность», которые объясняют логику формирования и реализации внешней политики. Под «турецким балансом» авторы понимают механизм внешнеполитической стратегии Турецкой Республики, который нацелен на встраивание в логику и алгоритмы внешнеполитических балансов более сильных держав с взаимным их противопоставлением и дальнейшим уравновешиванием, что позволяет Турции получать максимальные геоэкономические и геополитические дивиденды в рамках обозначенной динамической системы^{1,2}.

«Имперская предопределенность» рассматривается исследовательским коллективом как набор качественных и количественных характеристик национально-ориентированной элиты и государственного пространства, которые воспроизводят стремление к ряду параметров, отражающих сущность имперского проекта сильного государства, от которого не так легко отказаться, в противном случае элита, стремящаяся уйти с дороги имперской судьбы, должна будет выбирать между империей и полным исчезновением государства.

¹ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

² Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 83–84.

С точки зрения методологии географического детерминизма Турецкую Республику следует определить как полуостров между бассейнами Средиземного и Чёрного морей, что создает объективные предпосылки для геостратегии турецкой элиты по объединению Черноморского региона и региона Восточного Средиземноморья в единое geopolитическое пространство. Фланговые позиции современной Турции растянулись от Балкан до Кавказа, что в полной мере обосновывает целостность рассмотрения данного геополитического пространства именно в такой проекции. Россия после выхода к черноморским берегам 250 лет назад по итогам Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г., заключенного между Российской и Османской империями, – вступила в конкуренцию за устойчивое присутствие в Чёрном море, а через Черноморские (Турецкие) проливы стремится оказывать влияние на соотношение экономических интересов и военно-политических сил в Средиземноморье и Мировом океане. Новороссия как экономический регион Российской империи была ориентирована на геополитический синтез степи и береговой линии с выходом в Средиземноморье, что экономически укрепляло южный вектор экспансии Российской империи, соединяя геополитическую и геоэкономическую логику русских царей. Выращивание и экспорт зерновых культур через черноморские порты в страны Средиземноморья отражало экономическую оправданность данной экспансии.

Черноморский регион и Восточное Средиземноморье могут быть объединены в один регион с учетом морских коммуникаций и интересов главных региональных и геополитических субъектов Черноморского региона – Турции и России³. Однако в логике политического реализма необходимо признать, что в Восточном Средиземноморье, конкуренция с соперниками, список которых открывают региональные игроки: Греция, Израиль, Республика Кипр и западно-средиземноморская держава Франция – для Турции выше, чем в регионе Черного моря, где Турция обладает значительной автономией и военно-политической субъектностью благодаря контролю над Черноморскими проливами⁴ и ограниченному, однако, определяющему для региона сотрудничеству с Россией. Присутствие России в Восточном Средиземноморье позволяет Турции перенести механизмы «турецкого баланса» с Черноморского региона на Восточное Средиземноморье. С учетом большого количества региональных соперников и

³ Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.

⁴ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

глобальных противоречий этот механизм усложняется, однако он вполне жизнеспособен, что показывает пример существования на ограниченном временном отрезке Астанинского формата и, по сути, коалиционного участия Турции, России и Ирана в сирийском кризисе, к сожалению, после падения режима Асада, ушедшего в прошлое.

Для Турции эти регионы, с учетом береговой линии Республики (соотношение береговой линии и сухопутной границы современной Турции составляет почти один к трем в пользу морской, а черноморская часть береговой линии составляет почти четверть общей береговой линии Турции, почти такую же протяженность имеет средиземноморская береговая линия Турции⁵), связаны с первостепенными национальными интересами вокруг проливов Босфор и Дарданеллы, свободного доступа в Средиземноморский бассейн и обеспечением стабильного развития своего «заднего двора» от Кавказа (а, возможно, и Центральной Азии) до Стамбула. Центральной позицией в этих флангах опять становятся Черноморские проливы и вопросы контроля над ними.

Для России Черноморский регион и Восточное Средиземноморье формируют систему геополитических проблем, связанную с безопасностью российского Черноморского побережья, через которое в периоды относительной слабости враждебные военно-морские силы могут проникнуть вглубь страны, а также обеспечивающего России выход и экспансию в Средиземноморский бассейн и дальше в мировой океан, когда держава находится в устойчивом положении.

Самый простой прибрежный принцип определения Черноморско-Восточно-Средиземноморского региона позволяет выявить следующие границы и государства, входящие в него. Черноморский регион: Россия, Турция, Украина, Румыния, Болгария, Грузия, Молдова. Восточное Средиземноморье: Греция, Египет, Сирия, Ливан, Ливия, Израиль, Турецкая Республика Северного Кипра, Республика Кипр; и критические водные коммуникации: Черноморские проливы и Суэцкий канал. Такого понимания границ региона и будут придерживаться авторы.

Россия в XX столетии пережила две геополитические катастрофы: развал Российской империи и СССР. Большевики сумели быстро пересобрать империю на новых смыслах социальной справедливости. Кстати, Турция пережила похожий сценарий примерно в это же время, но попытки возвращения к имперскому (державному) статусу начинаются только после прихода к власти Партии справедливости и развития. Однако тогда в первые два десятилетия XX в. геополитические катастрофы для двух бывших империй сблизили кемалистскую Турцию и ленинскую Россию, что и закреплялось в Московском договоре от 1921 г., известном также как Договор о дружбе и братстве.

⁵ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 83–84.

За последние 200 лет каждый раз ослабление или фрагментация территории исторической России были связаны с потерей позиций (Крымская война) или большей части Черноморского побережья (Первая, Вторая мировые войны и итоги холодной войны) и последующей борьбой за их возвращение.

Так, в период между 1991 и 2014 гг. черноморская береговая линия Российской Федерации критически сократилась. Без Крымского полуострова длина береговой линии России в Чёрном и Азовском морях составляла 750 км: в Краснодарском крае – 550 км, в Ростовской области (Таганрогский залив) – 200 км. Воссоединение с Крымом в 2014 г. удлинило протяженность береговой линии до 2500 км. Напротив, протяженность береговой линии отколившейся в 1991 г. Украины до 2014 г. составляла 2782 км, после 2014 г. – 2032 км; после превращения Азовского моря во внутреннее море России протяженность береговой линии украинского государства уменьшилась еще на 1000 км, а протяженность береговой линии России в Чёрном море и Азовском увеличилась к 2023 г. по сравнению с периодом с 1991 по 2014 г. на 1800 км⁶. В случае вытеснения Черноморского флота Российской Федерации из Крыма в 2014 г., очевидно, включился бы «эффект домино» по полному вытеснению РФ из Чёрного моря, что поясняет логику принятия политических решений В.В. Путиным⁷.

Взаимодействие России и Турции в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья может быть охарактеризовано через три уровня двусторонних отношений.

На первом, несмотря на разницу в восприятии своих национальных интересов в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья, Россия и Турция обладают схожим пониманием современной системы безопасности в Черноморском бассейне, сложившейся после подписания в 1936 г. Конвенции Монтрё, и частично эта логика переносится в регион Восточного Средиземноморья, где, однако, Турция имеет более обостренное восприятие вызовов и угроз вследствие непосредственной приближенности и вовлеченности своего западного фланга в проблемы Восточного Средиземноморья, значительной частью которого является сама Республика. Этот кондоминиум складывается, пока есть стремление более сильного игрока или блока проникнуть в Черноморский регион и «вскрыть» его для своих нерегиональных интересов.

На втором уровне Россия и Турция имеют значительные противоречия на этом же пространстве. Турция не заинтересована в каком бы то ни было изменении границ после раз渲ла СССР, если, конечно, это не связано с ее экспансией или разрешением конфликтов в интересах ее союзников, например Азербайджана. Столкновение Тюркского (Турец-

⁶ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – С. 95.

⁷ Там же. С. 250.

кого) и Русского миров на этом пространстве уже вполне получает не только идеологическое, но и геополитическое измерение⁸.

На третьем уровне этого механизма сотрудничества и конкуренции России и Турции существуют взаимные попытки использовать экспансию каждого актора против своего потенциального конкурента: например, Турция противопоставляет России Запад, а Западу – Россию; в то же время России в условиях временной слабости выгодно присутствие в центральноазиатских республиках турецкого фактора, который несколько уравновешивает китайское доминирование в некогда заповедной российской сфере влияния. Однако такая политика лавирования может проводиться только в краткосрочной перспективе, иначе она чревата потерей собственных позиций.

С началом специальной военной операции Черноморский регион превращается в зону конфликта между Россией и Украиной, а потенциально – между НАТО и Россией. Однако позиция Турции по перекрытию Проливов со ссылкой на 19 статью Конвенции Монтрё подтвердила региональное равновесие, система координат которого сложилось после 1936 г.⁹ В то же время противостояние России и Украины на морском театре военных действий привело к чувствительным потерям и заставило РФ вывести часть флота из Севастополя.

Турция реализует в Черноморском регионе внешнеполитическую логику балансирования в рамках введенной авторами концепции «турецкого баланса» как внешнеполитической логики уравновешивания и гибкого балансирования между глобальными и региональными акторами с постоянным повышением своей региональной роли и статуса: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

В Черноморском регионе «турецкий баланс» направлен на сохранение силового *status quo*, установившегося после 1991 г. Дезинтеграция СССР сформировала благоприятную политическую ситуацию для державного возрождения Турции, когда по периферии турецких границ появились государства слабее самой Турции (исключая Иран), сформировав естественный буфер безопасности для Анкары. Поэтому сохранение сложившегося после 1991 г. равновесия на постсоветском пространстве путем консервации существующих межгосударственных границ является одной

⁸ Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 22. – DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.

⁹ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

из ключевых задач Турции¹⁰. Из этой логики следует, что нарушение данной политической географии любой из держав или коалиций не в интересах Турции, и Анкара будет всячески противодействовать этому процессу.

Однако, как представляется, логика обозначенного «турецкого баланса», хоть и подразумевает общую цель – достижение своих национальных интересов для Турции и России в Восточном Средиземноморье, но основана на иных условиях реализации, чем в Черноморском регионе. Восприятие Турцией Восточного Средиземноморья можно пояснить в понятной для нас терминологии «ближнего зарубежья», каковым для нас является пространство постсоветской Средней Азии и Закавказья (для Анкары логика обратная), в свою очередь для России здесь в настоящее время необходима логика присутствия с желательным формированием благоприятного баланса сил в регионе.

С середины 2000-х годов бассейн Восточного Средиземноморья превратился в ключевую арену, на которой проявляются глобальные геополитические тенденции. За последние два десятилетия наличие мощных и слабых государств в сочетании с географическим положением между неспокойными и стабильными регионами привлекло значительный региональный и глобальный интерес¹¹.

В результате за последние два десятилетия бассейн Восточного Средиземноморья, согласно тезисам доклада британского «Международного института стратегических исследований» (IISS) конца 2023 г., получил следующие ключевые характеристики:

- место крупных, сложных гражданских войн и межгосударственных конфликтов, ни один из которых не разрешен, и все они сохраняют значительный потенциал для последующего обострения;
- главная арена геополитической и идеологической конкуренции со времен «арабской весны» 2011 г.;
- канал, по которому внешние эффекты нестабильности и конфликтов на Ближнем Востоке и в Сахеле, а именно терроризм и миграция, достигли Европы и способны дестабилизировать ее;
- пространство, отмеченное политическим вакуумом безопасности после ослабления внимания Соединенных Штатов к Ближнему Востоку;
- испытательный полигон и возможность для глобального возрождения России и ее нового вызова Западу;

¹⁰ Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // *Perceptions: Journal of International Affairs*. – 2020. – Vol. 25, № 2. – P. 152–177.

¹¹ Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).

- получатель китайских инвестиций в инфраструктуру в рамках инициативы «Один пояс, один путь»;
- регион, в котором появились две ревизионистские мировые средние державы – Турция и Иран, которые имеют потенциал вывести свое влияние за рамки региона. Хотя Иран не имеет непосредственного выхода к Средиземному морю, его влияние через Сирию, Ливан и конфликт с Израилем делают его активным игроком в Средиземноморском регионе;
- регион, где арабские государства Персидского залива демонстрируют настойчивость в своем стремлении к глобальному влиянию;
- перспективный, но оспариваемый и предварительный путь для создания новых конкурирующих межконтинентальных энергетических и геоэкономических коридоров¹².

Дополним, что:

- Восточное Средиземноморье вместе с Черноморским регионом охвачены военным конфликтом. Эти районы мировой политики являются двумя из трех ключевых регионов мира наряду с Восточной и Юго-Восточной Азией, которая также близка к превращению в новый очаг мировой войны, где развернется основной ее театр военных действий, исходя из логики «ловушки Фукидida»;
- основные противоречия в Восточном Средиземноморье формируют два конфликта: греко-турецкие противоречия и арабо-израильский конфликт. И первый, и второй являются результатом двух последних мировых войн – Первой и Второй мировых войн;
- в регионе существуют исторически сложившиеся парные противоречия, которые идеально подходят для механизма дистанционного управления регионом в механизмах «британского баланса» сил: евреи и арабы, арабы и персы, мусульмане и христиане, турки и арабы, турки и евреи, турки и персы, курды и все остальные (арабы, иранцы, турки), шииты и сунниты, русские и турки и далее по этой логике;
- регион со второй половины XIX в. является зоной конкуренции империй (великих держав).

Турция проводит достаточно активную политику в тех регионах мира, которые рассматривает как попадающие в сферу ее геополитических интересов. С одной стороны, такая внешняя политика напрямую связана с личностью Р.Т. Эрдогана, с другой – она опирается на определенную идеологию, в том числе неоосманизма и пантюркизма, которые носят ярко наступательный характер. Доктринальное оформление этой идеологии применительно к морским пространствам вылилось в разработку кон-

¹² Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).

цепции «Голубая Родина», обосновывающей притязания Анкары на те или иные акватории¹³.

Российский исследователь П.А. Гудев также четко отмечает, что основой турецкого подхода в данной акватории Мирового океана является не международное право, а собственное видение в отношении применения и интерпретации тех или иных международных конвенционных норм: «В районе Восточного Средиземноморья, где пересекаются интересы не только Турции и Греции (в отношении пространств и акваторий Эгейского моря: Республики Кипр, Израиля, Сирии, Египта, Ливана и др.), но и Турции и внерегиональных держав (США, стран – членов ЕС и НАТО, РФ и все больше Китая), подход официальной Анкары по защите своих национальных интересов непосредственно опирается на определенную историческую практику и позиционирование, которое не всегда соответствует действующим нормам и положениям международного, прежде всего, морского права. Однако для Анкары в вопросе выбора, что является более важным – международное право или же критерий справедливости – именно последний рассматривается как единственно верный»¹⁴. И суть этих противоречий в том, что национальный турецкий подход опирается на 6-мильную границу вокруг островов в Эгейском море, а греческий взгляд на эту проблему отражает современный международный 12-мильный подход.

Кипрский ученый Н. Мудурос приводит такое событие: 29 октября 2019 г. на церемонии, посвященной годовщине основания Турецкой Республики командующий фрегатом «Гёкчеада» Энгин Агмыш заверил президента Турции Р.Т. Эрдогана, что турецкие военные «готовы выполнить любой приказ и защитить каждый сантиметр 462 тыс. квадратных километров нашей «Голубой Родины». Заявление это символично тем, что показывает привязку «Голубой Родины» к дате создания современного турецкого государства и турецкие претензии на конкретные географические границы региона Восточного Средиземноморья¹⁵.

К настоящему времени у Турции сложилось свое видение того, какие морские зоны суверенитета и юрисдикции существуют у нее не только в Чёрном, но и в Средиземном море, включая Эгейское. Правда, здесь необходимо понимать, что береговая линия вокруг Крымского полуострова и далее пришла в движение вследствие проведения Россией специальной военной операции, что пока не признается Анкарой, но в других районах Черного моря морские границы Турции уложены и согласованы в рамках серии двусторонних соглашений с Болгарией и СССР в

¹³ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 61.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 108.

1970–1980-х годах. Напротив, в Средиземноморском бассейне у Турции нет никаких договоренностей ни с Грецией, ни с Кипром, ни с Сирией¹⁶.

С учетом закрытости турецких доктринальных документов необходимо выделить две концепции внешнеполитической активности Анкары на море и суще, которые в целом отражают цели и задачи современной Турции в меняющемся мире: это уже упомянутая «Голубая Родина» и концепция «Турецкий мир», иначе называемая концепцией Тюркского мира¹⁷. Если первая является отражением турецкой морской экспансии, то вторая – комплексной сухопутной активной политики.

Можно говорить о том, что в основе принятия турецкой элитой фундаментальных внешнеполитических решений, лежат определенные, комплексы, сформированные географией и историей. После того как был подписан Кючук-Кайнарджийский мир, Россия и Турция стали центром обеспечения стабильности Черноморского региона – с незначительной паузой на период с окончания Крымской войны и до Циркулярной депеши князя А.М. Горчакова 1870 г. главным подписантам Парижского мира. Две исторические травмы сформировали внешнеполитическую логику Турции в Черноморском регионе. Первая – русско-османские войны XVIII–XIX вв., доказавшие силу России в регионе и заставившие учитывать подавляющую мощь России в этой части мира, а региональные государства сотрудничать с ней. Вторая лежит в глубоко укоренившемся недоверии Турции к странам Запада, так называемом «северском синдроме». Угроза быть преданными и ослабленными Западом, звучит у турецких националистических и консервативных партий, даже входящих в правительенную коалицию^{18,19}.

Современная турецкая государственность сформировалась как итог Первой мировой войны, Северского мирного договора 1920 г., национально-освободительного движения и Лозаннского мира 1923 г. Тогда эти шаги стали компромиссом между стремлением коллективного Запада оставить от Османской империи небольшое марионеточное государство и борьбой турецкого народа вместе с генералами за жизненное пространство нового национального турецкого государства. В течение XX в. Турции приходилось лавировать между Западом и Востоком, между «северским

¹⁶ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 71.

¹⁷ Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 153–182. – DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.

¹⁸ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

¹⁹ Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between "Russian Lake" and "NATO's Backyard" // UA: Ukraine Analytica. – 2020. – Vol. 19, № 1. – P. 44.

синдромом» и «русской угрозой», преодолевая ощущение одиночества и осадного положения турецкой элиты.

После распада СССР Турция получила возможность перейти к наступательной внешней политике. А на фоне временной слабости России, занятой в специальной военной операции, Турция начала активно возвращать свои имперские сферы влияния в Причерноморье. Причем, хотя «увязание» России в СВО на Украине только усиливает региональные позиции Турции, появляется угроза обрушения «турецкого баланса» из-за растущего давления США на Турецкую Республику, цель которого – проход ВМС НАТО в Черное море. Иными словами, чрезмерное ослабление России противоречит логике «турецкого баланса», в рамках которого Россия служит противовесом Западу в Черноморском регионе²⁰.

В рамках политического реализма существуют две противоположные точки зрения на позицию Турции по возвращению Россией Крыма. Первая состоит в том, что Турция была не заинтересована в воссоединении, так как на протяжении трех десятилетий инвестировала в Крым и крымских турок²¹. Вторая допускает заинтересованность Турции в воссоединении Крыма с Россией, так как остальные варианты для нее оказались бы еще хуже. Например, после Кючук-Кайнарджийского мирного договора с точки зрения разделения сфер влияния в Чёрном море для Турции и России ничего не менялось. А вот после вытеснения Черноморского флота РФ из Крыма появление американских ВМБ баз на территории Крыма становилось неизбежным, что абсолютно разрушало бы региональный баланс и логику Чёрного моря как «гарема султана», которым после 1774 г. Турция готова была делиться только с Россией. Кроме того, в случае расширения присутствия коллективного Запада в Черном море, Турции, скорее всего, будет нанесен урон, соотносимый с «новым Северским миром». Такова geopolитическая логика западной цивилизации.

И если после подписания Конвенции Монтрё 1936 г. Турция получила значительную автономию в Причерноморье, то в Восточном Средиземноморье столкнулись пока что греческие и турецкие претензии на значительные водные пространства. Как отмечает российский исследователь П.А. Гудев: «...Катализатором столкновения греческих и турецких проектов обустройства Восточного Средиземноморья стала так называемая “Севильская карта”, на которой было показано, какие морские зоны должны иметь в Восточном Средиземноморье Республика Кипр и Греция.

²⁰ Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.

²¹ Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348–363. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.

Для Турции самым неприемлемым стало то, что греческий остров Кастелоризо, находящийся в непосредственной близости от турецкого берега, при формировании внешних границ своих ИЭЗ и КШ позволяет этим зонам сомкнуться с идентичными зонами Республики Кипр²². Это прямо противоречит изначально турецкой позиции, что острова не могут обладать правом на формирование расширенных морских зон, за исключением территориального моря». Турецким ответом стала концепция «Голубая Родина» турецкого адмирала Джема Гюрдениза.

Архитектура безопасности, сырьевая и военно-политическая подоплека конкуренции за воды региона Восточного Средиземноморья для Турции могли бы означать, что активная и успешная борьба со стороны западной части Черноморских проливов возможна при существовании военно-политического тыла в виде спокойных вод Чёрного моря и полузакрытого режима, сформированного Конвенцией Монтрё. Однако восточный – кавказский – фланг Турции и специальная военная операция России на Украине, от исхода которой зависит развитие евразийского Хартленда, делает реализацию такого подхода в политике для Анкары проблематичным. Приходится одновременно реализовывать и свою активную позицию на полях СВО, и в более восточном направлении в рамках сухопутной экспансии логики Тюркского мира. В то же время концептуальная карта «Голубой Родины» предполагает турецкую зону национальных интересов в южном и центральном Причерноморье, очевидно учитывая исторически сложившуюся сферу интересов России в северном и центральном Причерноморье.

Логика же России до февраля 2022 г. лежала в сохранении *status quo* после раз渲ала СССР, включая сохранение за собой Севастопольской военно-морской базы и, следовательно, позиций на Чёрном море и остаточных геополитических возможностей после распада Советского Союза, который обеспечивал бы влияние в Восточном Средиземноморье с желательным для себя формированием благоприятного баланса сил. Однако когда В. Путину стало понятно, что «консервация» геополитических возможностей России в Чёрном море не входит в планы западной политики, он начал специальную военную операцию.

Для России черноморская геополитическая формула выглядит следующим образом. Во-первых, невозможно сохранить Кавказ без сохранения контроля над Крымом и, следовательно, без Северного Причерноморья. Во-вторых, потеря Крыма и Кавказа включит «эффект домино» по распаду Российской Федерации по линии тех территорий, которые присоединил еще Иван IV, и которые сформировали для Московского царства условия перехода в статус империи: Казани и Астрахани. Для Турции черноморская геополитическая формула состоит в выборе между Чёрным

²² Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – С. 71.

морем как «русским озером» и новым Северским миром, и, по сути, Конвенция Монтрё 1936 г. формирует оптимальные условия лавирования между этими вариантами.

Как-то в 1945 г. при очередных попытках получить от западных союзников хоть какой-то средиземноморский уголок (речь шла о базе Триполитании) для СССР В. Молотов подметил: «В Черноморских проливах нас хотят держать за горло руками турок»²³. Но после передачи островов Греции в Эгейском море в 1947 г. (Архипелаг Кастеллоридзо) турок в этой логике «держат за горло» в Восточном Средиземноморье руками греков. Таким образом, британцами и американцами созданы условия двойного сдерживания и своих противников, и своих союзников.

Главные державы западной цивилизации – США и Великобритания – пытаются пересмотреть Конвенцию Монтрё 1936 г.²⁴ Отдельным исследовательским вопросом являются причинно-следственные связи принятия Конвенции в 1936 г. Что заставило Великобританию и Францию, как главных держателей Версальско-Вашингтонской системы, позволить пересмотреть либеральный (открытый) режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской конференции, в пользу полузакрытого режима, ведь первый был им чрезвычайно выгоден? По мнению авторов, выдвижению и разработке статей нового пропускного режима Проливов, при котором региональные черноморские державы имели преимущества над нерегиональными, способствовала внешнеполитическая активность Италии в первой половине XX в., вплоть до ее поражения во Второй мировой войне.

Независимо друг от друга это направление внешней политики и экспансии Италии, в том числе, интеллектуальной, разрабатывали такие исследователи как Н.П. Нестерова и М.А. Шепелев. Как отмечает в своей статье Нестерова Н.П., «Архипелаг Кастеллоридзо (Кастеллоризо, Castellorizo, итальянское название – Кастельроссо, Castelrosso) – самая восточная точка Греции, в настоящее время причисляется к Додеканесским островам и включает 14 островов и островков, протянувшихся вдоль юго-западного побережья Турции. Самым крупным и населенным островом архипелага является остров Мегисти, который часто именуется Кастеллоридзо – из-за расположенной на нем крепости, построенной в XIV в. из красного камня рыцарями Ордена св. Иоанна Иерусалимского, Родоса и Мальты: красная крепость, castello rosso, дала новое название

²³ Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. – 03.10.2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518596> (дата обращения: 08.12.2024).

²⁴ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

острову»²⁵. Вне большой политики острова оставались вплоть до начала XX в., но итalo-османская война 1911–1912 гг. кардинально изменила ситуацию, итальянские войска заняли Ливию и Додеканесские острова. Местное правительство, «Правительство острова Кастеллоридзо», установило над островами суверенитет, хотя на центральном острове архипелага – Мегисти – оставался небольшой османский гарнизон. 24 июля 1923 г. в Лозанне державы Антанты, в том числе Италия и Турция как правопреемница Османской империи, подписали мирный договор, который заменил так и не вступивший в силу Севрский. Документ зафиксировал среди прочего и переход Додеканесских островов, в том числе Кастельроссо, к Италии, сделав его, по словам Муссолини, «форпостом Европы на Востоке». Италия так и не освоила полученные территории, для международных отношений Кастеллоридзо перестал представлять интерес, разделив судьбу всего Додеканеса: по Парижскому мирному договору 1947 г. острова перешли под суверенитет Греции²⁶. То есть реализован тот сценарий, который был недопустим для Турции в ходе Лозаннских переговоров, а союзники Республики в лице Британии и перенявших ответственность в регионе США создавали механизм сдерживания Анкары.

Крымский профессор М. Шепелев исследует итальянскую геополитику 1920–1940-х годов и отмечает, что именно в эти годы была выдвинута идея «Большого Средиземноморья» – под идеологией «Средиземноморье для средиземноморских держав», что естественно противоречило позициям Великобритании. Идеи имперского возрождения Италии синхронизировались с концепцией создания автарического (самодостаточного) пространства в бассейне Средиземного моря. Итальянская школа геополитики, для становления которой миф об «Итальянском Рисорджименто» сыграл значительную роль, разрабатывала концепцию возрождения Большого Средиземноморского пространства под патронатом Италии на основе экономического единства с включением в него Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Ближнего Востока. Лозунг «Средиземное море для средиземноморских народов» прозвучал в борьбе с Британией, а в целом эти геополитические процессы работали на интересы СССР. Одной из уязвимых региональных позиций являлся режим Черноморских проливов, установленный на Лозаннской мирной конференции в 1923 г.²⁷. Новый режим Черноморских проливов был принят 20 июля 1936 г. в швей-

²⁵ Нестерова Т.П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоридзо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 263. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-262-274.

²⁶ Там же. С. 271–272.

²⁷ Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.

царском городе Монтрё²⁸. Как подчеркивает М. Шепелев, в 1936 г. конвенция Монтрё отражала *modus vivendi*, но после окончания Великой Отечественной войны и Второй мировой войны И. Сталин сделал попытку пересмотра режима функционирования Черноморских проливов путем создания совместных советско-турецких военных баз и большего расширения военно-политических возможностей черноморских держав²⁹.

Таким образом, по мнению авторов, итальянское геополитическое проектирование и внешнеполитическая активность в рамках идей Большого Средиземноморья и «Средиземноморье для средиземноморских народов» способствовали ответному геополитическому проектированию Британии по отсечению политики Рима от Черноморского региона. Однако в настоящее время именно Конвенция Монтрё 1936 г. сдерживает англо-американскую экспансию вглубь континента через Проливы, Крым и Закавказье в Центральную Азию.

В чем же суть российско-турецкого кондоминиума в Черноморском регионе и регионе Восточного Средиземноморья, несмотря на внушительную сферу двусторонних противоречий?

Любые имперские пространства – от Рима до Османской и Российской империй – пытались контролировать две ключевые позиции в регионе: Черноморские проливы (Турецкие проливы) и Крым³⁰. До Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Черное море рассматривалось турецкими султанами исключительно как внутренний водоем, который после Турции начинает делить с Россией. В этих условиях режим функционирования Черноморских проливов и допуск военных кораблей в Чёрное и Средиземное моря начинает играть определяющее значение для исхода конкуренции в Черноморском бассейне. Однако имперский контроль предполагает контроль региональными державами за проливами и Крымом одновременно, если же эта формула размывается, и под контроль нерегиональной, мировой державы попадает одна или две из ключевых точек контроля над Черноморским регионом (Проливы или Крым), то государственность Турции и России оказываются под угрозой исчезновения уже в краткосрочной перспективе. Внутри этой логики Россия может стремиться к контролю за Черноморскими проливами, что имеет исто-

²⁸ Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.

²⁹ Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.

³⁰ Никифоров А.Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Сборник по итогам международного круглого стола «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины». – 2008. – С. 60–67.

рическое подтверждение в логике Восточного вопроса русских государей, а Турция – к возвращению Крыма, что также имеет свои рефлексии в период второй половины XVIII в. в российско-турецких отношениях, однако в реалистской политической парадигме современные элиты Турции и России будут стремиться к сохранению этой имперской формулы при условии продолжения существования константы в виде Конвенции Монтрё 1936 г.

Такое положение позволяет сохранять современной Турции значительную автономию от своих западных партнеров по НАТО в Черноморском регионе. С другой стороны, гипотетическая потеря Россией Крыма и попадание его под контроль нерегиональной черноморской державы или держав приведет к последующей утрате Турцией контроля над Черноморскими проливами (о чем говорит формула Никифорова). Сценарий, при котором Крым попадает под контроль Турции или зеркальный ответ – Проливы под контроль России, мы не рассматриваем. В конце концов 250-летний совместный исторический опыт сосуществования России и Турции в Чёрном море позволили выйти на современный баланс интересов и противоречий.

Восточное Средиземноморье с учетом пестроты вызовов для Турции и России, которые формирует Запад и их союзники (частью которого является и сама Турция), также имеет возможность нахождения кондоминиума и перенесения логики сотрудничества, сформированной в Черноморском регионе, где Анкара за счет механизма «турецкого баланса» успешно реализует свои интересы, а Россия может формировать для себя благоприятный баланс сил, опираясь на российскую имперскую и советскую традиции и geopolитические позиции.

* * *

Современный мир движется к многосторонней модели, в которой каждая из великих держав будет иметь свою зону первостепенных интересов, сферу влияния и обмена. Ослабление однополярного мира ведет к разработке и реализации новых пространственных, экономических и идеологических проектов региональных и мировых держав, опирающихся на свой исторический опыт и новые реалии с учетом своего технологического уровня развития. Проблема Турции и России в этом динамическом процессе будет состоять в осознании пределов взаимной экспансии и нахождении баланса уже в новом мировом порядке.

Главные из этих пределов состоят в осознании Турцией ограничений для своей экспансионистской политики в рамках Организации турецких государств и для попыток исключить Россию из большой игры на Ближнем и Среднем Востоке, что при такой системе вызовов в Восточном Средиземноморье для Анкары невыгодно в стратегическом измерении, так как будут ломаться логика и механизмы «турецкого баланса».

Россия же в ответ может ограничить свою активность на курдском направлении и по ряду других болезненных для Турции вопросов.

В условиях формирования нового мирового порядка региональная подсистема международных отношений Черноморского региона и Восточного Средиземноморья, ядро которой выстраивается на взаимодействии России и Турции в течение уже нескольких столетий, должна сохранить стабильность и превалирование роли сотрудничества над сферой конкуренции в новом многополярном мире, и в этих условиях ученые-международники двух держав могут внести значительный вклад в достижение данной цели в региональной geopolитической формуле, которую можно обозначить как «союз региональных держав против экспансии нерегиональных».

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2021. – Т. 23, № 3. – С. 348–363. – DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-3-348-363.
2. Аватков В.А., Евстафьев Д.Г. Постсоветская Евразия в глобальной геоэкономической регионализации: первые контуры // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 1 (1). – С. 7–19. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.01.01.
3. Алексеев А. Африканская игра Сталина // Коммерсант. – 03.10.2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4518596> (дата обращения: 08.12.2024).
4. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / отв. ред. Дегтерев Д.А., Агазаде М.М. – Москва: Аспект Пресс, 2023. – 664 с.
5. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Деколонизация» и «деимпериализация»: современная политика Запада в отношении фрагментации России // Регионология. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 10–30. – DOI: 10.15507/2413-1407.126.032.202401.010-030.
6. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 153–182. – DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.
7. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 7–22. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-1-7-22.
8. Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе / отв. ред. Ирхин А.А. – Москва: Аспект Пресс, 2024. – 264 с.
9. Москаленко О.А., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Демешко Н.Э., Нагорняк К.И. Конвенция Монтрё после начала СВО. Статус-кво или денонсация: дискурс

- международных акторов и возможные геополитические последствия для Черноморского региона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 4. – С. 643–661. – DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-4-643-661.
10. Нестерова Т.П. «Форпост Европы на Востоке»: архипелаг Кастеллоризо в контексте итальянской политики в Восточном Средиземноморье 1912–1932 годов // Научный диалог. – 2018. – № 9. – С. 262–274. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-9-262-274.
11. Никифоров А.Р. Ритмы Большого Черноморского пространства: сверим часы // Сборник по итогам международного круглого стола «Проблемы безопасности Причерноморья и нейтральный статус Украины». – 2008. – С. 60–67.
12. Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 325–338. – DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338.
13. Aktürk Ş. Turkey's Grand Strategy as the Third Power: A Realist Proposal // Perceptions: Journal of International Affairs. – 2020. – Vol. 25, № 2. – P. 152–177.
14. Gaber Ye. Turkey's Black Sea Policy: Between "Russian Lake" and "NATO's Backyard" // UA: Ukraine Analytica. – 2020. – Vol. 19, № 1. – P. 43–53.
15. Strategic Dossier Preview: Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics // IISS. – November 2023. – URL: <https://www.iiiss.org/publications/strategic-dossiers/strategic-dossier-preview-turbulence-in-the-eastern-mediterranean> (дата обращения: 08.12.2024).